

жизненных смыслов и универсалий культуры.

В эпоху глобализации для современного молодого человека ближайшим смыслом деятельности выступают прагматические интересы, и знания для него становятся не только формой теоретического осмысления, но и формой личностного бытия, инструментом социализации. Разумеется, для этого необходима специфическая, порой уникальная систематизация знаний, чему и научается студент в курсе философии. Трансдисциплинарность философского знания предполагает интегративный характер познания, всего разнообразия современных знаний. В формирующейся картине мира все отчетливее выступают основания будущей науки, объединяющей в себе науки о природе и науки о духе. В этой связи академик В.С. Стёпин отмечает синергетический подход, наряду с системным, который позволяет находиться в диалоге с естественнонаучными, техническими и гуманитарными знаниями что способствует формированию профессионализма и творческих начал специалиста [3]. Вместе с тем, В.С. Стёпин также отмечает и то, что «на сломе эпох» философия обязана быть практической наукой, выявлять и осмысливать глубинную динамику современного бытия, чему и может научить сегодня система преподавания философии.

Рационально построенная система образования, научно-педагогической деятельности позволяет вычленить ценностные ориентиры будущих специалистов, сформировать установку индивида на самообразование и наметить пути самореализации личности.

Литература и источники

1. Кант, И. Критика способности суждения // Антология мировой философии. В 4 томах. – М., 1971. – Т. 3.
2. Гегель, Г.В.Ф. Философия духа // Энциклопедия философских наук. – М., 1977.
3. Яскевич, Я.С. Философия и методология науки / Я.С. Яскевич, В.К. Лукашевич. – Минск, 2009.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕ ПОСТМОДЕРНА

Шавердо Т. М. (Минск, Беларусь)

Общество сегодня претерпевает непрерывные изменения, а «текучесть» становится принципиальной характеристикой современности. Это связано, прежде всего, с процессом постоянного роста объемов информации и образованием неограниченного коммуникативного пространства. Сегодня «знать» перестало означать «быть в чем-то уверенным»: ничто не дает гарантии защититься от поджидающих повсюду социальных рисков. Наиболее распространенный диагноз, который исследователи ставят современному обществу – это состояние постмодерна. В такой ситуации актуализируется проблема поиска наиболее адекватных современным реалиям концепций социальных идентичностей. Мы попытаемся описать состояние индивида в непредсказуемых, стрессовых условиях постмодерна, а

This document has been
edited with Infix PDF Editor
- free for non-commercial use.

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm

также обозначить продуктивные стратегии существования человека в многозначном, многополярном мире.

Социальная идентичность выступает своеобразным «сцеплением» личности и общества и фиксирует те аспекты человеческой жизни, которые определяются с точки зрения членства в группах. Общество на разных этапах своего развития характеризовалось, во-первых, определенным набором доминирующих, системообразующих структур, а, во-вторых, различной степенью жесткости и силой принуждения этих структур по отношению к индивиду. В качестве типовых примеров мы можем рассмотреть три структуры, по отношению к которым индивид традиционно осуществлял референцию – религия, профессиональное сообщество и гражданство.

Например, в Средние века, отмеченные теоцентризмом, смыслообразующей структурой являлась религия, а человек, как правило, выступал претерпевающей субстанцией, молчаливым реципиентом по отношению к репрессивной структуре. В Новое время возникают тенденции к размыванию жестких социальных рамок. Говоря о предложенных нами типовых примерах, мы наблюдаем возникновение авторства, национального государства, и религиозного свободомыслия. Религия утрачивает свое «стержневое» значение, и объединяющей структурой становится гражданство. В центре мира оказывается человек в том виде, в котором его показал нам Р. Декарт – активный, действующий, познающий. Но нельзя сказать, что человек полностью освободился от репрессивного начала структуры: он обладает свободой выбора, но сам выбор ограничен лишь перечнем (хоть и довольно длинным) строго определенных вариантов.

Однако границы «дозволенного» продолжают расширяться. Апофеозом «вселенской вседозволенности» становится состояние постмодерна. Структуры, по отношению к которым человек осуществлял референцию (религия, профессиональное сообщество, гражданство) вовсе разрушаются, что находит отражение в трех грандиозных «смертях» – смерти Бога, автора и субъекта.

Постмодерн провозглашает тотальную деконструкцию новоевропейской системы координат. В логике Ж.-Ф. Лиотара установки новоевропейского сознания (прогресс, принципиальная познаваемость мира, возможность абсолютной свободы и т.п.) представляют своего рода метанарратив, однако сегодня «большой рассказ» уже не способен вместить всех и каждого. Напротив, именно «маленький рассказ» становится актуальной формой, отражающей локальные человеческие установки и стремления, а микронарратив представляется образцовой формой творческого и, главным образом, научного воображения. Ж. Деррида также предлагает тактику деконструкции «больших текстов», смыслы которых оказываются либо тривиальны из-за определенной истории прочтения, либо навязаны «репрессивной интонацией» автора. Текст при этом понимается предельно широко: как текст в собственном смысле слова (например, «Критика чистого разума» И. Канта), так и гипертекст новоевропейской или мировой истории. Процедура деконструкции, поэтому, означает попытку

вступить в бой с логоцентризмом, присущим новоевропейской эпохе.

В целом, симптоматику состояния постмодерна удачно схватывает Ш. Айзенштат, противопоставляя понятию «Нового времени» становление деконструкции: «Модернити возникает, только когда легитимность постулированного космоса больше не принимается бездоказательно, когда она прекращает быть недостижимой для критики» [1, с. 422].

Для нас принципиально важно обозначить два полемических взгляда на состояние современности. Первая стратегия основана на идее «завершения модерна», а значит и на утверждении постмодерна как самостоятельного, самодостаточного этапа – такой позиции придерживаются Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Маффесоли и др. Вторая стратегия настаивает на том, что проект модерна все еще не завершен, и сегодня мы наблюдаем лишь его радикализацию (Э. Гидденс, Ю. Хабермас, А. Турэн и др.). Мы склонны занять вторую позицию, считая, что главный рубеж для перехода к новой эпохе не преодолен – мы все еще говорим на языке модерна. В логике Э. Гидденса радикализированный модерн находит свое выражение в «рефлексии над рефлексией» и представляет двоякое явление: как тупиковую тенденцию эпохи модерна, так и симптом ожидания «чего-то» способного эту тенденцию преодолеть.

Наш разум, выросший на научных и культурных достижениях модерна, не может расстаться с жадой «упорядочить бесконечное изменение, разделить неразделимое» [2, с. 413]. Однако нам не за что зацепиться – структуры, по отношению к которым человек на протяжении всей истории осуществлял референцию, утратили свое смыслообразующее значение. Со «смертью» Бога, автора и самого субъекта (в декартовском смысле) рухнуло то, к чему человек мог обратиться в поисках истины, по отношению к чему мог выстроить свою жизненную стратегию.

Не появилось и достойной альтернативы декартовскому субъекту. Постмодерн провозглашает тотальную деконструкцию, но ничего не строит на месте старых развалин. З. Бауман характеризует такое состояние как «вселенскую вседозволенность и, следовательно, в конце концов, разрушение всякого морального, и отсюда – социального, порядка» [2, с. 411]. В связи с чем возникает ситуация «амбивалентности», которая характеризуется особой «слабостью и ранимостью».

В такой стрессовой ситуации, в ситуации постоянного риска человек пытается защититься. Но в эпоху, когда означающее теряет устойчивую связь с означаемым, все превращается в замок из песка, стены которого рушатся от малейшего прикосновения человека, ищущего убежище. Защитным механизмом может стать попытка натурализации окружающего мира. Однако воссоздание онтологических конструктов, обещающих некую определенность существования в этом мире, выливаются, порой, в уродливые, гипертрофированные формы социальной идентичности. М. Маффесоли приводит в пример появление своеобразного «трайбализма» [3], который заключается в тенденции к возникновению локальных, закрытых образований внутри принципиально открытых обществ

(например, китайские кварталы в Нью-Йорке):

Казалось бы, нам, наконец, удалось разрубить жесткую «кристаллическую решетку», заданную досовременной социальностью. Сегодняшний мир, представленный как гипертекст, открыт к многообразному прочтению. Но, такая свобода самоопределения граничит с расслоенностью и дисперсностью в рамках плюрализма дискурсивных практик. Такая свобода приводит в оцепенение, она сродни параличу. И чтобы творить в полном смысле этого слова, создавать нечто новое, полноценное, а не осуществлять лишь отрицательную рефлексию и насмешку по отношению ко всему окружающему, первым делом необходимо вывести человека из стрессовой ситуации.

Э. Гидденс считает, что жизнь в «климате неопределенности» возможна только путем создания своеобразного «общества доверия». Однако в стрессовой ситуации человек, как показывает история, скорее склонен к радикализму, что приведет лишь к умножению уродливых, форм социальной идентичности, в которых он будет искать опору. Один из эффективных способов выведения человечества из оцепенения, на наш взгляд, – это конструирование «стержневой» идентичности, которая позволит человеку не затеряться в многозначности мира и при этом осуществлять безболезненный «вход» и «выход» по отношению к разнообразию социальных ролей современной многополярной жизни. И сегодня, когда мы то и дело становимся свидетелями конфликтов, вспыхивающих на религиозной и национальной почве, удачно справиться с ролью «опорного пункта» может гражданская идентичность, которая выступает наиболее нейтральным объединительным контуром, как на уровне граждан отдельного государства, так и внутри глобального мира.

Литература и источники

1. Айзенштат, Ш. Многообразие модернити // Современная западная социология: хрестоматия. – Минск, 2008. – С. 422–431.
2. Бауман, З. Постмодернити, или жизнь с амбивалентностью // Современная западная социология: хрестомати. – Минск, 2008. – С. 411–418.
3. Маффесоли, М. Околдованность мира или божественное социальное // СОЦИО-ЛОГОС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Article/Maff_OkMir.php.

ИНФОТЕЙМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВ В INTERNET

Яковлев Л. С., Потехина Е. В. (Саратов, Россия)

Развитие Интернета кардинальным образом изменило организацию социокультурного пространства. Характерные для индустриальных обществ инфраструктуры, опосредующие культурный обмен, были нарочито